3 1761 06412228 6

N inédits pour la biographie. Tome X.

Новые матеріалы
п *россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные*
основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ X.

НИКОЛАЙ I

Его личность, правленіе, декабристы.

Составилъ А. МИХАЙЛОВЪ.

DK
210
M5
1906
c.1
ROBARTS

ЛОНДОНЪ
1906.

Matériaux inédits pour la biographie. Tome X.

Новые матеріалы
по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные
на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ X.

НИКОЛАЙ I

Его личность, правленіе, декабристы.

Составилъ А. МИХАЙЛОВЪ.

ЛОНДОНЪ
1906.

Printed in Germany.

Типографія Левента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.

НИКОЛАЙ I.

LIBRARY
OCT 13 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

Николай I, первый въ русскомъ царскомъ домѣ со временъ Владимира нареченный такимъ именемъ, родился въ Царскомъ Селѣ въ среду 25-го Іюня (6 Іюля) 1796 года. Какъ водится столь важное событіе было достойнымъ образомъ отпраздновано нѣжными родителями и не менѣе нѣжной Августѣйшей Бабушкой. Были даже прощены какіе-то торговцы запрещенными книгами. Тотчасъ же послѣ крещенія новорожденнаго Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ, жена его Марія Ѳедоровна осталась въ Царскомъ Селѣ, самъ же новорожденный Великій Князь, по заведенному еще при первыхъ дняхъ цесаревича обычаю, остался на попеченіи Екатерины. Еще до своей смерти, послѣдовавшей вскорѣ послѣ рожденія Николая Павловича, Екатерина успѣла выбрать для своего внука въ няни Евгенію Васильевну Лайонъ, родомъ изъ Шотландіи. Вотъ отъ этой то руководительницы его первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, по признанію самого будущаго Самодержца и душителя Всерос-

сійскаго и Всеевропейскаго, наслѣдовалъ Николай Павловичъ свою ненависть къ Полякамъ и Евреямъ. Николай, въ противоположность къ своимъ старшимъ братьямъ, воспитаннымъ Екатериной, пользовался любовью своего отца, который, въ особенности въ послѣднее время своей жизни, любилъ окружать себя своими младшими дѣтьми. Что касается матери, то какъ Николай, такъ Михаилъ испытывали по отношенію къ ней въ дѣтскія годы чувство церемонности и даже страха.

Николаю Павловичу недолго пришлось впрочемъ пользоваться исключительно женскимъ попеченіемъ. (Кромѣ Лайонъ въ его первоначальномъ воспитаніи принимали участіе статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ и гувернантка полковница Юлія Ѳедоровна Адлербергъ.) Уже въ 1800 году Павелъ Петровичъ избралъ въ воспитатели своихъ младшихъ сыновей Николая и Михаила графа Матвѣя Ивановича Ламсдорфа. Ламсдорфу, однако, не улыбалась перспектива находиться въ такой близости съ Павломъ, не разъ уже оказывавшейся довольно опасной для его придворныхъ и кончавшейся нерѣдко разжалованіемъ и ссылкой. Онъ попытался было ускользнуть отъ этой чести. Тогда Павелъ Петровичъ сказалъ ему: „Wenn Sie es nicht für mich tun wollen, so müssen sie es für Russland tun; aber das sage ich Ihnen, dass Sie aus meinen

Söhnen nicht solche Schlingel machen, wie die deutschen Prinzen es sind.“*)

Послѣ этого Ламсдорфу не осталось другого исхода, какъ принять назначеніе.

Къ 1-му февралю Павелъ переѣхалъ въ полюбившійся ему Михайловскій Дворецъ. „На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть“ вырвалось у него, какъ бы въ предчувствіи своей судьбы. Къ этому времени катастрофа, завершившаяся убіеніемъ Павла сдѣлалась неизбѣжной. Никто изъ приближенныхъ не чувствовалъ себя больше въ безопасности отъ внезапныхъ капризовъ полусумашедшаго Императора. Существовалъ заговоръ, душей котораго былъ бывшій русскій посланникъ въ Берлинѣ графъ Никита Петровичъ Панинъ, къ которому примыкали графъ Паленъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, приближенный Павла графъ Кутаисовъ, бывшій каммердинеръ, большинство гвардіи и масса другихъ придворныхъ. На Кутаисова дѣйствовали черезъ его возлюбленную Madame Chévalier, артистку французскаго театра, которая кромѣ того находилась на жалованіи и у Наполеона. Между прочимъ одной

---

*) Если вы не хотите взяться за это дѣло для меня, то вы обязаны исполнить это для Россіи, одно только скажу вамъ, чтобы вы не сдѣлали изъ моихъ сыновей такихъ шалопаевъ каковы нѣмецкіе принцы.

изъ его заслугъ, оказанныхъ имъ заговору, было удаленіе Ростопчина изъ Петербурга. Дѣло было вотъ въ чемъ:

Супруги Нарышкины желали получить разводъ. Для этого нужно было вмѣшательство Государя. Обратились къ Кутаисову черезъ Madame Chévalier. Та несмотря на обѣщанныя ей блага, не могла или не желала исполнить просьбы. Тогда посредникъ, занимавшійся этимъ дѣломъ, обратился къ другой француженкѣ, носившей съ довольно сомнительнымъ правомъ на это имя Madame de Bonneuil и посланной Наполеономъ, не брезгавшимъ никакими средствами, въ Петербургъ. Этой, надо отдать справедливость, очень красивой дамѣ удалось завязать весьма нѣжныя отношенія къ Ростопчину; черезъ нее то и узналъ Ростопчинъ о дѣлѣ Нарышкиныхъ. Конечно, тотъ счелъ своимъ долгомъ тотчасъ донести объ этомъ Павлу и выставилъ при этомъ Кутаисова интригантомъ, который представляетъ себя человѣкомъ, могущимъ по своему желанію направлять рѣшенія Государя. Ростопчинъ очень удачно попалъ на слабую сторону характера Павла, однако, все-же оказалось, что бывшій каммеръ-лакей лучше зналъ своего господина, чѣмъ бывшій каммеръ-юнкеръ.

На мѣсто Ростопчина назначенъ графъ Паленъ. О заговорѣ знали, какъ супруга Павла

Марія Ѳедоровна, которой приближенные ея рисовали возможность самой возсѣдать на Россійскомъ престолѣ, такъ и наслѣдникъ Александръ Павловичъ. Послѣдній, однако, колебался и настаивалъ на томъ, чтобы Павла не лишали жизни.

Такъ въ напряженномъ состояніи проходили мѣсяцы, и заговорщики все не приступали къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Къ этому времени у Павла появились мысли объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія. Онъ задумалъ племянника Маріи Ѳедоровны, принца Евгенія Виртембергскаго, женить на своей дочери Екатеринѣ Павловнѣ и сдѣлать его наслѣдникомъ престола. У него вырвались также передъ Кутаисовомъ и своей возлюбленной, княгиней Гагариной, рожденной Лонухиной, неосторожныя слова о судѣ, который онъ думаетъ совершить надъ своей женой и старшими дѣтьми. Эти слова рѣшили его участь. Александръ присоединился къ заговору и въ ночь съ 11 на 12 марта къ нему въ спальню ввалилась толпа пьяныхъ гвардейскихъ офицеровъ и Императоръ Россіи Павелъ былъ задушенъ съ вѣдома своей жены и сына старшего Александра. Что заговорщики знали къ чему приведетъ coup d'état, ясно изъ отвѣта, даннаго Паленомъ на вопросъ одного пьянаго гвардейскаго офицера, что придется сдѣлать, если Павелъ будетъ защищаться. „Quand on

veut faire une omelette, il faut casser des œufs"*) былъ этотъ отвѣтъ.

Послѣ смерти Павла воспитаніе великихъ князей предоставлено было исключительному усмотрѣнію вдовствующей императрицы. Нельзя назвать выборъ ею воспитателей особенно удачнымъ, и Великіе Князья вынесли очень мало изъ читавшихся имъ лекцій. Вообще же дѣтскій періодъ жизни Николая Павловича (1802 до 1809) интересенъ для насъ тѣмъ, что уже тогда у него проявились задатки чертъ характера, составлявшихъ впослѣдствіи отличительныя черты императора Николая. Великій князь былъ страшно грубъ по отношенію не только къ приближеннымъ и прислугѣ, но даже къ брату и сестрѣ. Также очень рано обнаруживается у него любовь къ военной формалистикѣ и шагистикѣ, любовъ наслѣдственная, которой былъ не чуждъ не смотря на свой либерализмъ и его Августѣйшій братецъ, не говоря уже о Константинѣ, живомъ воплощеніи Павла. Какъ извѣстно Николай былъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ крупный невѣжда и писалъ на всѣхъ языкахъ съ орѳографическими ошибками. Да, онъ и самъ не разъ говаривалъ, что онъ съ Михаиломъ получилъ „бѣдное образованіе". Въ

---

*) Если желаютъ сдѣлать яичницу надо разбить яйца.

одномъ онъ только обнаруживалъ необыкновенныя познанія — это въ фрунтовой службѣ.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ намъ въ 1825 году Михаиловскій Данилевскій: „Необыкновенныя знанія Великаго Князя по фрунтовой части насъ изумили. Иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные пріемы такъ хорошо, что врядъ ли лучшій ефрейторъ могъ бы съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ Его Высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ; каковъ же долженъ быть сей, спрашивали мы другъ друга. Несмотря на свою склонность къ военной формалистикѣ, Николай не обладалъ дѣйствительной храбростью и мужествомъ, что онъ обнаружилъ какъ еще въ дѣтствѣ, такъ и 14 Декабря на Казанской площади. Конечно потомъ также не удивитъ и то, что изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ Николай предпочиталъ барабанъ. Таковы были познанія, пріобрѣтенныя, и наклонности, обнаруженныя будущимъ Русскимъ Императоромъ. Когда наступилъ 1812 годъ, Николаю было уже 16 лѣтъ. Понятно, что ему захотѣлось отправиться въ дѣйствующую армію. Но только 1814 Николай получаетъ на это разрѣшеніе отъ Александра.

Путешествія Николая по Европѣ и Россіи и его женитьба.

5-го февраля 1814 года великіе князья Николай и Михаилъ выѣхали въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ Петербурга. Посѣтивши проѣздомъ въ Веймарѣ свою сестру Марію Павловну, великіе князья прождали нѣкоторое время въ Баденѣ и послѣ того, какъ дорога въ Парижъ сдѣлалась безопасной, отправились къ своему брату въ Парижъ. Здѣсь мадамъ Криднеръ предсказала Николаю, что онъ будетъ носить со временемъ русскую корону. Для Николая Павловича впрочемъ не нашлось кромѣ казармъ и госпиталей ничего интереснаго въ Парижѣ. Оттуда великіе князья возвратились черезъ Нидерланды и Германію въ Россію, причемъ остановились на болѣе продолжительное время въ Берлинѣ, гдѣ Николай впервые увидѣлъ свою будущую супругу, принцессу прусскую Шарлотту. По возвращеніи изъ путешествія молодые князья должны были продолжать свои занятія, но придворныя празднества и любимыя ими парады, разводы, посѣщенія арсеналовъ и другихъ военныхъ учрежденій не оставляли имъ на это достаточнаго времени.

13-го мая 1815 великіе князья, получившіе позволеніе принять участіе въ новой кампаніи, отправляются снова изъ Петербурга, остановив-

шись въ Берлинѣ, они отправляются на главную квартиру Императора въ Гейдельбергъ и затѣмъ сопровождали его, Александра, на маршѣ къ Парижу, куда и вступили черезъ пару дней послѣ занятія столицы англо-прусскими войсками. Пребываніе великихъ князей въ Парижѣ очень безпокоило Марію Ѳедоровну, что видно изъ писемъ ея къ состоявшему при великихъ князьяхъ генералъ-адъютанту Коновницыну: „Я, конечно, нимало не сомнѣваюсь — писала она — что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели (?) предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ прегрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностью, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ.“ Каждому безпристрастному наблюдателю покажется страннымъ такое безпокойство о нравственности Великихъ Князей, воспитавшихся при русскомъ дворѣ.

Всѣмъ извѣстно, что русскій дворъ по своимъ нравамъ былъ одинъ изъ самыхъ развратныхъ европейскихъ дворовъ и превосходилъ

въ этомъ отношеніи даже французскій. Это въ особенности должна была знать Марія Ѳедоровна, жившая такъ долго при дворѣ Екатерины. А во времена Екатерины государи на дворъ смотрѣли, какъ помѣщики на свою дворню и нравы господствовали тамъ такіе же, если не въ стократъ худшіе. Въ особенности поражаютъ людей, прочитавшихъ рукописныя записки Екатерины, разсказы ея о фрейлинахъ, о томъ, какъ спали онѣ въ общихъ спальняхъ и какъ за ними прокрадывались туда любовники.

Екатерину саму поражало сходство положенія этихъ цѣломудренныхъ дѣвицъ съ положеніемъ помѣщичьихъ дѣвокъ въ своей дѣвичьей. Хотя Екатерина и говоритъ, что не мѣшало бы иногда вспоминать, что онѣ не дѣвки, а аристократки самого высокаго происхожденія, но сама она очень часто объ этомъ забывала. Такъ, напримѣръ, однажды она велѣла генеральшу Консину взять съ придворнаго бала, высѣчь и привести обратно на балъ.

При Павлѣ и Александрѣ въ этомъ отношеніи тоже не было большой строгости и всякія постельныя и матеріальныя соображенія играли не маловажную роль въ судьбѣ лицъ, стоявшихъ близко къ двору или вообще находившихся на военной и гражданской службѣ.

Стоитъ только вспомнить о происхожденіи крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Мы при-

ведемъ для этого списокъ наградъ деньгами, землей и крестьянами, раздаными одной лишь Екатериной II своимъ любовникамъ и главнымъ сообщникамъ, способствовавшимъ ея вступленію на престолъ:

Графамъ Бозолувскому и Панину и князю Волконскому была назначена ежегодная пенсія въ тридцать пять тысячъ рублей каждому.

Генералу Вадковскому — восемьсотъ душъ крестьянъ. Братьямъ Григорью и Алексѣю Орлову, при вступленіи на престолъ по восемьсотъ душъ каждому. Въ общемъ же семья Григорія Орлова, отъ котораго Екатерина имѣла ребенка, еще при жизни своего мужа, получила въ ея царствованіе сорокъ пять тысячъ душъ крестьянъ и восемьдесятъ пять милліоновъ рублей деньгами и разными драгоцѣнными камнями.

Поручику Протасову восемьсотъ душъ крестьянъ. Столько же поручикамъ Баряшинскому, Чорткову и капитану Ѳедору Орлову.

Князю Голицину сто шестьдесятъ тысячъ рублей.

Капитану Вырубову и ротмистру Хитрову по восемьсотъ душъ крестьянъ.

Капитану Бредихину сто двадцать тысячъ рублей деньгами.

Столько же получили капитаны Обуховъ и Ржевскій.

Капитанъ Баскаковъ, поручики Дубянскій,

Несвицкій, Дубенскій, Бибиковъ, Ступишинъ и Всеволожкій, прапорщики Сергѣй и Илья Всеволожкій по шестисотъ душъ крестьянъ каждый.

Подпоручику Потемкину четыреста душъ крестьянъ.

Ѳедору и Григорію Волковымъ пожаловано дворянство и семьсотъ душъ крестьянъ.

Евреинову — дворянство и триста душъ крестьянъ.

Княгинѣ Домковой стошестьдесятъ тысячъ рублей.

Фрейлинѣ Шаргородской семьдесятъ тысячъ рублей.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Теплову сто сорокъ тысячъ рублей.

Статскому совѣтнику Ероикину восемьдесятъ душъ крестьянъ.

Лакею Шкурину тысячу душъ крестьянъ.

Такимъ образомъ лишь въ первый мѣсяцъ своего царствованія Екатерина кромѣ денегъ роздала около восемьнадцати тысячъ крестьянъ. Главнымъ образомъ дарила Екатерина своихъ любовниковъ.

Такъ кромѣ упомянутаго уже Орлова, Екатерина наградила второго своего любовника Князя Васильчикова пятьстами тысячъ рублей денегъ, подарила на пятьсотъ тысячъ драгоцѣнныхъ вещей и серебряной посуды, да, еще семь тысячъ душъ крестьянъ.

Григорій Потемкинъ, возведенъ въ княжеское достоинство, состоялъ въ любовникахъ два года и за это время получилъ отъ императрицы сорокъ пять милліоновъ деньгами и тридцать семь душъ крестьянъ.

Завадовскій, возведенъ въ графское достоинство и получилъ четыреста тысячъ рублей деньгами, двѣ тысячи душъ крестьянъ и пожизненную пенсію въ двадцать пять тысячъ рублей въ годъ.

Зоричу была подарена земля, стоившая шестьсотъ тысячъ рублей, и деньгами четыреста тысячъ рублей.

Затѣичъ, ему былъ подаренъ домъ около Зимняго Дворца и двѣсти тысячъ на его обзаведеніе и милліонъ двѣсти тысячъ на уплату залоговъ. Наконецъ Екатериной было подарено ему мѣстечко Шклавъ, купленное за два съ половиной милліона у князя Чарторинскаго.

Римскій Корсаковъ получилъ четыре тысячи душъ крестьянъ и два милліона рублей деньгами.

Не менѣе щедро награждены были Ланской Ермоловъ, Дмитрій Мамоновъ и Платонъ Зубовъ.

Не меньшимъ вліяніемъ пользовались любовники, лакеи и сводники не только при Павлѣ, но даже и при „либеральномъ“ Александрѣ. Мы знаемъ, что наибольшимъ вліяніемъ пользовался при Павлѣ его бывшій лакей и сводникъ Ку-

таисовъ, возведенный затѣмъ даже въ графское достоинство, впрочемъ подъ условіемъ продолжать брить по прежднему каждое утро Павла*).

При Александрѣ, напримѣръ, декабриста Вадковского перевели изъ гвардіи въ армію за то, что онъ разстроилъ свадьбу Шеремешева съ побочной дочерью государя отъ взвѣстной Маріи Антоновны Шеремешевой. Мы привели только пару примѣровъ, чтобы показать, какія нравы царили при царскомъ дворѣ и за какія заслуги тамъ получались награды. Вообще во дворцѣ русскихъ государей можно было увидѣть сцены, какія можно видѣть лишь въ какомъ-нибудь публичномъ домѣ. И развратъ, царившій при русскомъ дворѣ, только потому, по мнѣнію Маріи Ѳедоровны, не могъ быть соблазнымъ для молодыхъ великихъ князей, такъ какъ онъ не

---

*) У Кутаисова между прочимъ произошло довольно непріятное для него столкновеніе съ Суворовымъ. Павелъ имѣлъ безтактность послать для привѣтствованія Суворова отъ своего имени Кутаисова. Суворовъ спросилъ у него за какія заслуги пожалованъ ему графскій титулъ. Кутаисову пришлось сказать, что онъ былъ каммердинеромъ у Павла. Тогда Суворовъ позвалъ своего слугу и сталъ ему выговаривать за пьянство и дурное поведеніе. „Возьми примѣръ съ этого господина — сказалъ Суворовъ, указывая на Кутаисова — онъ былъ когда-то тѣмъ же, чѣмъ ты теперь, но велъ себя хорошо, не пьянствовалъ и теперь сдѣлался важнымъ графомъ и бариномъ.

являлся въ „столь пріятномъ или забавномъ видѣ“, какъ въ Парижѣ.

Мы не знаемъ во всякомъ случаѣ насколько повредилъ Парижъ нравственности Николая Павловича. Во всякомъ случаѣ хорошаго вліянія на его суровый, жестокій характеръ пребываніе въ Парижѣ не оказало. Наоборотъ, здѣсь укрѣпилась еще больше его страсть къ военной формалистикѣ, тѣмъ болѣе, что либеральный братецъ, бывшій всегда идеаломъ для своихъ братьевъ, былъ тогда въ особенности неумолимъ во всѣхъ требованіяхъ фронтовой службы. Въ то время общее негодованіе и озлобленіе вызвали арестъ и посылка ихъ на главную квартиру двухъ полковыхъ командировъ англичанъ, за какую-то ошибку на парадѣ.

По поводу этого Ермоловъ, въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе, сказалъ великому князю:

„Полагаетъ ли Ваше Высочество, что русскіе воины служатъ царю, а не отечеству? Они шли на Парижъ, чтобы защищать Россію, а не парадировать. Такимъ образомъ не пріобрѣтаютъ привязанности арміи.“

Великій князь промолчалъ, но никогда не могъ забыть ему этихъ словъ. Ермоловъ всегда казался ему подозрителенъ, и мы впослѣдствіи увидимъ, что при своемъ вступленіи на престолъ Николай питалъ по отношенію къ нему наибольшую боязнь и постарался отъ него отдѣлаться.

Николай перенялъ также у брата его непріязнь къ французамъ.

28 сентября Александръ вмѣстѣ съ братьями покинулъ Парижъ.

Молодые великіе князья отправились прямо въ Берлинъ. Здѣсь должна была произойти офиціальная помолвка Николая съ принцессой Шарлоттой, которая и состоялась 4 ноября.

Свадьба назначена на 1817 годъ.

Передъ свадьбой Николай совершаетъ путешествія по Россіи и въ Англію.

Во время своего путешествія по Россіи Николаю показали, конечно, только то, что онъ долженъ былъ видѣть. Несмотря на это даже Николая поразилъ безпорядокъ, господствовавшій повсюду. Впрочемъ въ путевыхъ его замѣткахъ главнымъ образомъ проявляется его ненависть къ Полякамъ, Іезуитамъ и Евреямъ. Ненависть и боязнь были всю жизнь чувствами, владѣвшими Николаемъ.

Путешествіе это закончилось въ Москвѣ, откуда Николай отправился въ путешествіе въ Англію. По пути онъ оставался пару недѣль въ Берлинѣ, откуда черезъ Калэ направился въ Англію. Здѣсь регентъ и Николай выказали каждый свое неудовольствіе, первый тѣмъ, что заставилъ Николая ждать 25 минутъ, Николай въ отместку опоздалъ на 15 минутъ на парадный обѣдъ, къ которому онъ былъ приглашенъ

регентомъ. Послѣ этого оба удовлетворились и съ тѣхъ поръ были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Какъ при пребываніи Николая въ Парижѣ боялись за его нравственность, такъ теперь при пребываніи въ Англіи опасались, какъ бы онъ не заразился свободомысліемъ, какъ бы его не соблазнили свободныя учрежденія Англіи. Въ этомъ отношеніи могли быть, однако, спокойны какъ его нѣжная матушка, такъ и заботливые воспитатели.

Послѣ почти шестимѣсячнаго отсутствія, Николай пребываетъ въ Берлинъ, откуда недѣли черезъ двѣ отправляется обратно въ Россію.

Въ скоромъ времени происходитъ женитьба Николая. Жена его, довольно незначительная особа, не оказывала почти никакого вліянія на политику. Николай продолжаетъ и послѣ женитьбы нести службу въ качествѣ бригаднаго генерала, да, присутствуетъ во время пріема при дворѣ Александра. Такъ проходитъ его времяпровожденіе до смерти Александра.

Заговоръ 14-го Декабря. — Вступленіе на престолъ.

Для того, чтобы понять и объяснить себѣ исторію заговора 14 декабря надо представить

себѣ ту общественную и политическую обстановку, при которой протекали послѣдніе годы царствованія Александра I, при которой и пришлось Николаю вступить на престолъ. Какъ извѣстно, тогда не было еще отмѣнено крѣпостное право, по существу своему, по правдѣ сказать не отжившее вполнѣ и на наше время и принявшее лишь иныя, соотвѣтствующія нашему времени, формы. Но въ то время помѣщики были полновластными господами надъ своими крестьянами, надъ ихъ имуществомъ и жизнью. Можно, конечно, было бы исписать 1000 книгъ, еслибы пришлось разсказывать о всѣхъ тѣхъ жестокостяхъ, которымъ подвергались крестьяне со стороны своихъ помѣщиковъ, но мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ изъ жизни крѣпостныхъ за послѣдніе десятки лѣтъ передъ возшествіемъ на престолъ Николая.*) Вотъ, напримѣръ, приказъ помѣщика Казанскаго уѣзда Бѣлявина своему управителю 1785 году: „О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь мнѣ не пиши; мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго: такъ они милы мнѣ. Уповаю и надѣюсь до тысячи рублей взыскать съ нихъ безъ всякого сумнительства. Мужикъ сѣръ, но умъ не чортъ у него съѣлъ.“

---

*) Заимствуемъ изъ однихъ изданныхъ заграницей очерковъ по русской исторіи.

Продажа крестьянъ безъ земли вошла тогда во всеобщій обычай. Въ газетахъ часто печатались такія объявленія: „Продается лѣтъ тридцати дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. Ихъ можно видѣть въ домѣ губернскаго секретаря“ или: „Продается мужской портной, поваръ и башмачникъ; тамъ же вѣнской прочной работы коляска и верховая лошадь.“ Иногда крѣпостныхъ крестьянъ выводили цѣлыми толпами на рынокъ, какъ лошадей на конный базаръ. Вотъ что разсказывалъ одинъ крестьянинъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи своему сельскому священнику: „Бывало, говоритъ, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ тридцать; мы посажаемъ ихъ на тройки да и веземъ на урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку да и продаемъ ихъ. Больше всего покупали армяне. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою было на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино.“

„Всѣмъ извѣстно,“ разсказываетъ въ своихъ запискахъ тотъ же священникъ, „что помѣщики-псари за одну борзую суку отдавали цѣлую деревню съ крестьянами.“

„Бываютъ даже такіе негодяи,“ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи венгерскій путешественникъ Текели, „которые ставятъ на карту своего крѣпостного и проиграютъ его.“

Одинъ помѣщикъ установилъ у себя такія правила: всякій праздникъ дворовые должны являться къ нему на поклонъ; за неявку тысячу розогъ. Если крѣпостной не говѣлъ и не пріобщался — пять тысячъ розогъ, и т. д.

Вообще, не говоря уже о розгахъ, самыя жестокія наказанія, какъ то: цѣпи, палки, плети, рогатки — были на святой Руси въ то время и еще много лѣтъ послѣ повседневнымъ явленіемъ. До какого издѣвательства надъ человѣческой личностью доходили помѣщики, можетъ указать примѣръ помѣщика Ефимова, приказавшаго женѣ своего двороваго выкармливать грудью двухъ щенятъ. Мужъ этой женщины не стерпѣлъ и утопилъ барскихъ щенятъ. Тогда помѣщикъ приказалъ поджаривать ему ноги на раскаленныхъ угольяхъ.

Крѣпостные крестьяне генеральши Толстой послали къ ней своего мірского челобитчика, просить о сбавкѣ оброка. Генеральша велѣла обрить ему голову и бороду, надѣть ему на шею желѣзную рогатку съ заклепами, „дабы ему не имѣть покою“, и заставила его съ этой рогаткой работать на кирпичномъ заводѣ. Другой помѣщикъ отдалъ свою крѣпостную дѣвушку учиться плести кружева. Когда она вернулась изъ ученія, ее принуждали работать сверхъ силы: „просиживать каждый вечеръ по двѣ свѣчи“. Молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка не

выдержала и убѣжала въ Москву къ своей прежней мастерицѣ. Ее отыскали, заковали въ желѣзо, приковали къ стулу и опять заставили въ такомъ видѣ работать. Дѣвушка наложила на себя руки, но не успѣла совсѣмъ перерѣзать себѣ горла и промучилась цѣлый мѣсяцъ. И такъ и умерла въ кандалахъ. Это вопіющее дѣло было скрыто и помѣщица осталась безъ наказанія.

Иногда помѣщики истязали своихъ крѣпостныхъ просто ради забавы. Такъ одна тульская помѣщица любила щи съ бараниной, и когда ѣла эти щи, то приказывала сѣчь предъ собой варившую ихъ кухарку, не потому что та дурно сварила, а просто ради своего удовольствія.

Такъ, видимъ мы, изощрялись грубые, невѣжественные помѣщики надъ своими крестьянами. Даже у самыхъ добрыхъ баръ жизнь крѣпостныхъ была невыносимой. У помѣщиковъ, отъ природы обладавшихъ злымъ характеромъ, она превращалась въ сплошной адъ.

Такіе помѣщики не останавливались ни передъ какими мученіями, истязаніями и даже передъ убійствомъ своихъ подданныхъ. Въ особенности ярко показало дѣло извѣстной Дарьи Салтыковой, или, какъ называлъ ее народъ, Салтычихи, до чего можетъ доходить озвѣрѣвшій помѣщикъ: „Эта Салтычиха, по смерти своего

мужа, тоже жестокаго помѣщика, въ теченіи шести лѣтъ безнаказанно мучила своихъ крестьянъ, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, а иногда и мужчинъ. Она била ихъ скалкой, полѣньями, утюгомъ, плетью, жгла имъ на головѣ волосы, лила на лицо горячую воду. Ея конюхи засѣкали по ея приказанію до смерти людей кнутами. И все это происходило не въ луши какой-нибудь, а въ самой Москвѣ, а также въ подмосковномъ селѣ Салтыковой. Вотъ нѣсколько случаевъ, раскрытыхъ потомъ судебнымъ слѣдствіемъ.

Двороваго Хрисанфа Андреева помѣщица сама била кучерскимъ кнутомъ, потомъ велѣла бить его своему конюху; потомъ выставила его на морозъ и продержала всю ночь на морозѣ; на другой день опять била его палкой, жгла раскаленными щипцами и лила на голову горячую воду; когда несчастный упалъ она все продолжала колотить его. Послѣ этихъ истязаній она отправила избитаго, еще живого Андреева въ свое подмосковное село, но по дорогѣ несчастный умеръ.

Дворовую дѣвушку Петрову она забила до смерти на возвратномъ пути съ богомолья (Салтыкова, какъ и многіе подобные изверги, отличилась большой набожностью). Прежде всего она избила ее скалкой за нечисто вымытый полъ; затѣмъ конюхъ по ея приказанію билъ

Петрову кнутомъ и загналъ ее въ прудъ, а дѣло было въ ноябрѣ. Продержавъ ее нѣсколько времени по горло въ водѣ, Салтыкова вновь заставила ее мыть полъ, но обезсилѣвшая отъ побоевъ дѣвушка уже не могла исполнить приказанія. Тогда Салтычиха при помощи своего гайдука опять принялась бить ее и била до того, что къ вечеру дѣвушка скончалась.

Подобнымъ же образомъ была забита до смерти батогами Прасковья Ларіонова. Когда ее сѣкли то Салтычиха кричала: „Бейте до смерти, я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь". Когда тѣло убитой женщины повезли изъ Москвы, на него посадили ея груднаго младенца, который такъ и замерзъ по дорогѣ на трупѣ своей матери.

Салтыкову обвиняли въ убійствѣ 75 человѣкъ. Судъ призналъ вполнѣ доказаннымъ убійство тридцати восьми человѣкъ, въ убійствѣ двадцати шести оставилъ въ подозрѣніи.

Слѣдствіе о ея преступленіяхъ начиналось двадцать одинъ разъ и каждый разъ прекращалось безъ всякихъ послѣдствій.

Наконецъ, послѣ шестилѣтнихъ проволочекъ, состоялось рѣшеніе суда, по которому Салтычиха приговаривалась къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ карторжную работу. По Высочайшему приказанію приговоръ былъ измѣненъ и было велѣно лишить преступницу дворянскаго

званія, продержать ее часъ времени у позорнаго столба, а потомъ надѣть оковы и отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей подлѣ какой-нибудь церкви, гдѣ посадить въ подземную тюрьму. Въ такой подземной тюрьмѣ Салтычиха просидѣла одинадцать лѣтъ, а затѣмъ ее перевели въ каменную тюрьму, пристроенную къ церкви, гдѣ она прожила еще двадцать два года и даже родила тамъ ребенка отъ своего сторожа.

Всѣ чиновники, высшіе и нисшіе, которые скрывали преступленія Салтыковой, остались безъ всякаго наказанія.

Александръ I въ началѣ своего царствованія, сознавая весь ужасъ крѣпостнаго права, носился съ мыслями объ его уничтоженіи. Но какъ извѣстно, благими намѣреніями устланъ адъ, и послѣ всѣхъ хорошихъ обѣщаній, что оставивъ въ полной силѣ прежнее крѣпостное право, ограничился ничтожнымъ указомъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

При Александрѣ не была даже ограничена власть помѣщика надъ крестьянами; въ его царствованіе крестьянъ продолжали также мучить, какъ во времена Екатерины. Одна помѣщица, важная барыня, носила фальшивые волосы, которые ей расчесывалъ крѣпостной парикмахеръ. Чтобы никто не узналъ, что у нея поддѣлные волосы, помѣщица держала этого парик-

махера въ желѣзной клѣткѣ у себя въ спальнѣ. Онъ три года пробылъ въ такомъ заточеніи, а когда, наконецъ, ему удалось бѣжать, то на него страшно было взглянуть: онъ былъ блѣденъ и сгорбленъ, какъ дряхлый старикъ. Между тѣмъ барыня обезпокоилась побѣгомъ парикмахера и хотѣла во что бы то ни стало отыскать его. Для этого она обратилась къ самому императору. Государь поднялъ на ноги всю полицію когда ему сообщили въ чемъ было дѣло. Александръ вмѣсто того, чтобы наказать ее, какъ требовалъ даже русскій законъ, позаботился лишь о томъ, какъ бы успокоить взволнованную помѣщицу. Ей объявили, что парикмахеръ утонулъ въ Невѣ.

Одно изъ неисполненныхъ намѣреній Александра, было также его намѣреніе уничтожить продажу крестьянъ въ розницу, безъ земли. По конецъ своей жизни онъ даже объ этомъ и самъ не зналъ, продаются въ Россіи люди или не продаются.

Однажды Графъ Кочубей подходитъ въ Государственномъ Совѣтѣ къ Николаю Ивановичу Тургеневу и говоритъ ему: „Представьте себѣ, государь увѣренъ, что въ Россіи уже давно запрещена розничная продажа крестьянъ; а между тѣмъ напротивъ самого зимняго дворца, въ петербургскомъ губернскомъ правленіи идетъ постоянный торгъ людьми.“ Незадолго передъ тѣмъ тамъ была продана одна старуха за два

рубля пятьдесять копѣекъ въ двухъ шагахъ отъ царскаго дворца.

Тайныя общества.

Вотъ какова была общественная атмосфера, которая окружала молодую гвардію, возвратившуюся съ военныхъ походовъ по Западной Европы. Картины рабства, неуваженія къ правамъ личности, презрѣнія общественныхъ интересовъ невольно вызывали въ ней сравненіе съ иной болѣе благоустроенной общественной и культурной жизнью западно-европейскихъ государствъ. Возбужденное общество напрасно ждало отъ правительства реформъ. Пропасть между обществомъ и правительствомъ дѣлается все глубже и глубже. (Движеніе принимаетъ революціонный характеръ.) Понятно, какую массу горечи, какое возмущеніе вызывали русскіе порядки въ людяхъ, прошедшихъ только что всю Европу и участвовавшихъ въ событіяхъ, рѣшавшихъ и освобожденіе европейскихъ національностей отъ иноземнаго ига. Только на родинѣ они оказывались безсильными сдѣлать что нибудь для блага русскаго народа. Возбужденная мысль напряженно старается объяснить и разъяснить причины неустройства горячо любимой родины. Изученіе и примѣръ западно-евро-

нейскихъ государствъ ясно показываетъ путь къ измѣненію настоящаго положенія вещей: революція.

При Александрѣ массонскія ложи были терпимы правительствомъ и поэтому пріучали русское дворянство къ составленію тайныхъ обществъ. Эти тайныя общества составлялись очень легко, характера революціоннаго сначала совершенно не носили. Хотя члены тайныхъ обществъ и собирались на засѣданія, но сами были не только извѣстны всему обществу, но даже и полиціи. Участіе въ этихъ тайныхъ обществахъ не было до 1822 года запрещено даже чиновникамъ. Только лишь въ 1822 году было указомъ велѣно отобрать у чиновниковъ показанія о принадлежности ихъ къ тайнымъ обществамъ и взять отъ нихъ подписку съ обѣщаніемъ впредь въ таковыя не вступать. Члены такихъ тайныхъ обществъ большей частью были офицеры арміи и гвардіи. У нихъ бывалъ обыкновенно общій столъ. Послѣ обѣда обыкновенно устраивались у нихъ чтенія, завязывалась оживленная бесѣда о положеніи Россіи, о ея общественныхъ язвахъ, тяжеломъ положеніи народа и солдатъ. Эти общества благотворно вліяли на своихъ членовъ, заставляли ихъ вдумчиво относиться къ положенію Россіи и къ своему собственному поведенію. Должно быть никогда до тѣхъ поръ, да и послѣ не царили въ

гвардіи такіе нравы какъ тогда. Такъ офицеры Преобженскаго и Семеновскаго полковъ совершенно отмѣнили съ общаго согласія тѣлесныя наказанія.

Офицеру, позволившему бы себѣ по отношенію къ солдату не только прибѣгнуть къ физической силѣ, но даже употребить бранное слово, пришлось бы тотчасъ же оставить службу. Мало по малу такія отдѣльныя общества расширялись въ болѣе обширныя тайныя общества.

Такъ 1816 г. въ Петербургѣ подъ руководствомъ Николая Муравьева и князя Трубецкого образовывается общество подъ названіемъ Союза Спасенія или „истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“. Своею цѣлью оно ставитъ себѣ задачу: „содѣйствовать въ благихъ начинаніяхъ правительства и искорененіи всякого зла въ управленіи и въ обществѣ“. Расширившись, въ 1818 году „Союзъ Спасенія“ принимаетъ новый уставъ, на манеръ нѣмецкаго Тугендбунда (общества, подготовившаго національное возстаніе противъ французовъ) и названіе „Союза Благоденствія“.

Общество въ новомъ своемъ видѣ ставитъ уже себѣ не только вышеупомянутую довольно неопредѣленную цѣль — содѣйствовать благимъ начинаніямъ правительства — но рѣшается добиваться конституціоннаго порядка. Въ 1821 году Союзъ Благоденствія распадается, и на его мѣстѣ образуются два новыхъ тайныхъ общества: Южное и Сѣверное.

Сѣверное общество, сосредоточенное главнымъ образомъ въ Петербургѣ, въ главѣ котораго стоялъ Рылѣевъ, стояло за ограниченную монархію, въ то время какъ Пестель и руководимое имъ Южное общество, главная квартира котораго находилась въ Тульчинѣ Под. губерн., стояли за республиканскій образъ правленія. Тайное общество принимало все большее число членовъ и такимъ образомъ становилось все затруднительнѣе самое существованіе общества. Александръ прекрасно зналъ о недовольствѣ, царившемъ въ странѣ и въ арміи, зналъ о существованіи тамъ тайныхъ обществъ и подумывалъ принять противъ нихъ болѣе или менѣе энергичныя мѣры*). Исполненію этого намѣренія помѣшала ему смерть. Александръ умирая не оставлялъ прямыхъ наслѣдниковъ. Такимъ образомъ наслѣдовать по праву долженъ былъ старшій его братъ Константинъ.

Константинъ Павловичъ былъ живымъ во-

---

*) Свидѣтельствомъ этого служитъ собственноручная записка Александра, найденная послѣ его смерти: „Есть слухи, писалъ Александръ, что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи.“

площеніемъ своего отца какъ по наружности, такъ и по характеру. Впрочемъ онъ былъ еще болѣе безобразенъ, чѣмъ Павелъ. То-же калмыцкое лицо, что и у Павла, вызывавшее въ его дѣтскіе годы различные пикантные догадки, еще болѣе оттѣняло это сходство.

Что касается его характера, то Массонъ еще въ концѣ 18 столѣтія писалъ слѣдующее: „Er ist der würdige Sohn seines Vaters: dieselben Sonderbarkeiten, dieselbe Heftigkeit, dieselbe Härte, dieselbe Unruhe. Er wird nie so viel Bildung und Geist haben, aber er verspricht ihm zu gleichen, ja sogar einst zu übertreffen in der Kunst, ein Dutzend armselige Automaten in Bewegung zu setzen.“ (Онъ достойный сынъ своего отца: тѣже странности, та-же запальчивость, та-же суровость, то-же безспокойство. Онъ никогда не будетъ имѣть столько образованія и ума, но онъ обѣщаетъ сравняться съ нимъ и быть можетъ когда-нибудь превзойти его въ искусствѣ привести въ движеніе дюжину несчастныхъ автоматовъ.) Константинъ былъ съ дѣтства мученіемъ для своихъ близкихъ. Екатерина желала дать своему внуку широкое образованіе. Константинъ отказывался, однако, чѣмъ то ни было заниматься, кромѣ военныхъ упражненій. Екатерина, въ 1796 году, женила Константина на принцессѣ Юліанѣ Саксенъ-Кобургской.

„Je plains d'avance son épouse“ (заранѣе со-

болѣзную о его супругѣ), писалъ еще до женитьбы Растопчинъ. Дѣйствительно невыносимый характеръ Константина доставилъ его женѣ, извѣстной подъ именемъ Анны Ѳедоровны, много горя. Самъ Константинъ, вспоминая объ этомъ времени, говаривалъ: „молода была — янычаръ была“. Послѣ убіенія Павла, Анна Ѳедоровна возвратилась обратно въ Германію и больше въ Россію не являлась. Впрочемъ Константинъ вознаграждалъ себя за свое вынужденное вдовство довольно щедро, и его похожденія принимали иной разъ видъ скандаловъ. Лишь величайшей настойчивостью Константину удалось добиться въ 1820 году развода.

Послѣ назначенія своего намѣстникомъ въ Польшѣ, Константинъ поселился въ Бельведерѣ, миленкомъ павильонѣ, который выстроила себѣ въ очаровательной мѣстности, недалеко отъ Лазенокъ (любимая резиденція послѣдняго польскаго короля), нѣкая француженка, съ которой Константинъ состоялъ въ нѣжныхъ отношеніяхъ. Къ этому жилищу Константина никто не приближался безъ страха. Въ 1820 году Константинъ познакомился съ очаровательной дочерью одного польскаго помѣщика Іоанной Грудзинской, былъ ею очарованъ и рѣшился жениться на ней. Александръ далъ брату на это разрѣшеніе. Константинъ былъ повѣнчанъ съ Грудзинской, причемъ она получила титулъ княгини

Ловичъ. Вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости. Устроивъ свое домашнее счастье, Константинъ пожелалъ привести въ ясность свое отношеніе къ престолонаслѣдію. Еще 1801, послѣ мартовской трагедіи, Константинъ сказалъ полковнику Николаю Александровичу Саблукову:

„Ну хорошая это была каша“.

„Хорошая дѣйствительно каша“ — отвѣчалъ Саблуковъ — „и я весьма счастливъ, что къ ней не причастенъ.“ „Это хорошо, другъ мой“ — сказалъ Константинъ, при чемъ присовокупилъ: „послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму. (Après ce qui est arrivé, mon frère peut regner, s'il veut; mais si le trône me revenais, jamais, je ne l'accepterais pas.) Послѣ женитьбы намѣреніе отказаться отъ престрола созрѣваетъ окончательно у Константина и 1822 г. отказъ этотъ принимаетъ офиціальный характеръ, причемъ, однако, отреченіе рѣшено было держать въ тайнѣ. Актъ о назначеніи Николая наслѣдникомъ рѣшено хранить въ Успенскомъ соборѣ. Списки съ него должны находиться также въ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ. Николаю дѣлаются только намеки обо всемъ случившемся, офиціально же его не извѣщаютъ и до самого восшествія его на престолъ. Николай

продолжаетъ занимать довольно скромную для наслѣдника русскаго престола роль дивизіоннаго генерала.

Таково было положеніе вопроса о престолонаслѣдіи, когда получилось въ Петербургѣ извѣстіе о смерти Александра. Смерть Александра, по всей вѣроятности, была послѣдствіемъ болѣзни, которой Императоръ страдалъ въ послѣднее время, однако, этому долго не вѣрили какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, помятуя хорошо еще о тѣхъ временахъ, когда по выраженію Таллейрана, русскіе государи умирали отъ другихъ болѣзней. Къ письму съ извѣстіемъ о смерти Александра баронъ Дибичъ присовокупляетъ:

„Съ покорностью ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича.“

Очевидно, что даже самыя близкія къ Александру лица не знали объ отказѣ Константина отъ престола.

По полученіи извѣстія о смерти Александра Николай, а за нимъ весь дворъ и гвардія присягнули императору Константину. Въ Варшаву къ Константину былъ посланъ рядъ курьеръ и нарочныхъ съ докладомъ къ новому императору. Посмотримъ, что происходило въ это время въ Варшавѣ.

Константинъ получилъ двумя днями раньше

отъ императрицы въ Петербургѣ, извѣстіе о смерти Александра, съ вышеупомянутымъ обращеніемъ Дибича къ нему, какъ къ законному Императору. Несмотря на это онъ рѣшилъ остаться при своемъ прежнемъ намѣреніи. Очевидно, положеніе Русскаго Самодержца, и связанная съ нимъ перспектива, умереть такъ, какъ умеръ Павелъ, не прельщали его. А быть можетъ, впрочемъ, онъ и не надѣялся мирно занять престолъ, зная, что его ненавидѣли въ войскѣ не меньше, чѣмъ самаго Николая. Какъ бы то ни было онъ принесъ присягу на вѣрность Николаю и заставилъ войско поступить также. Больше двухъ недѣль братья уступали другъ другу престолъ, хотя несмотря на просьбу Николая, Константинъ отказывался пріѣхать въ Петербургъ и тамъ отказать офиціально отъ престола.

Воцарившееся междуцарствіе повело къ тому, что почти что забыли даже своевременно похоронить Александра. На запросы, дѣлаемые изъ Тагонрога къ цесаревичу, получался отвѣтъ: обратиться за распоряженіями отъ кого слѣдуетъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ же ждали повелѣній изъ Варшавы.

Въ сущности не знали даже гдѣ находить Императора, которому присягнула вся Россія; иные думали, что Константинъ на дорогѣ въ Таганрогъ, другіе полагали, что онъ отправился

въ Петербургъ. Неопредѣленное положеніе мѣстности дошло до того, что, напримѣръ, къ генералу Михайловскому Данилевскому, командовавшему въ то время въ Кременчугѣ бригадой, пріѣхалъ отъ корпуснаго командира, генерала Рота, жандармъ съ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго, спрашивавшаго, не извѣстно ли бригадному начальству мѣстопребываніе Императора Константина, и не проѣзжалъ ли государь въ Таганрогъ, и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ объѣхать расположеніе всего третьяго корпуса. „Такимъ образомъ“ — пишетъ Данилевскій — „россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи“.

Наконецъ 12-го октября Николай рѣшается вступить на престолъ. Извѣстія о заговорѣ доставлены предателями и Николай Павловичъ пишетъ Князю Петру Михаиловичу Волконскому: „Воля Божья и приговоръ Братній надо мной совершается! 14-го числа я буду Государь или мертвъ.“ Къ горькому сожалѣнію всей Россіи оправдалось первое предположеніе Николая, и смерть настигла не Николая, а первыхъ мученниковъ русской революціи: Пестеля, Рылѣева, Муравьева Апостоля, Бестужева-Рюмина, Коховскаго, позорная смерть на виселицѣ.

Посмотримъ, что происходило въ то время въ средѣ членовъ тайныхъ обществъ, и къ какимъ рѣшеніямъ они пришли.

„Болѣе года прежде сего“ — пишетъ Бестужевъ въ своемъ описаніи первыхъ начинаній декабристовъ послѣ 27 ноября — „въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть Императора назначена обществомъ эпохой для начатія дѣйствій оного, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву. Рылѣевъ, оказалось, совершенно ни о чемъ не зналъ. Число членовъ общества, находившихся въ Петербургѣ, было не велико, однако, рѣшено было вечеромъ собраться. Съ сей минуты“, передаетъ Бестужевъ, „домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ пунктомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душой оныхъ.“

Вопросъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ дискутировался и Рылѣевъ произносилъ свои вдохновенныя рѣчи. Однако, несмотря на успѣхъ пропаганды и прибытіе новыхъ членовъ, у заговорщиковъ не было большихъ надеждъ на успѣхъ. Никто не могъ ручаться за цѣлый полкъ. Ротные командиры, члены тайнаго общества, могли расчитывать въ самомъ лучшемъ случаѣ только на свои роты.

Въ упомянутыхъ уже нами запискахъ Н. А. Бестужевъ объ этомъ пишетъ:

„Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе насчетъ успѣха выражалось очень положительно.

Не менѣе того мы видѣли необходимость дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: „Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научили другихъ.“

Эта неувѣренность въ успѣхѣ, заставила многихъ, въ томъ числѣ избраннаго впослѣдствіи диктаторомъ князя Трубецкаго, высказаться противъ рѣшительныхъ дѣйствій. Большинство все же надѣялось увлечь за собой по крайней мѣрѣ часть гвардіи, тѣмъ болѣе, что Николай былъ ненавидимъ въ военныхъ сферахъ. Насколько мнѣніе ихъ было обосновано видно изъ разговора, происходившаго между Петербургскимъ Генералъ-Губернаторомъ Милорадовичемъ и Принцомъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ о возможности.

Послѣ вступленія на престолъ Николая Милорадовичъ сказалъ, что сомнѣвается въ успѣхѣ, такъ какъ гвардія не любитъ Николая. „О какомъ успѣхѣ вы говорите?“ возразилъ ему удивленный принцъ. Престолъ долженъ переидти къ Николаю, если Константинъ будетъ упорствовать въ своемъ отреченіи. При чемъ тутъ гвардія?“

„Совершенно справедливо“, отвѣчалъ графъ, „имъ не слѣдуетъ имѣть голоса, но это обрати-

лось у нихъ уже въ привычку, почти въ инстинктъ.“

Такъ рѣшено было дѣйствовать.

„Насъ по справедливости назвали бы подлецами“ — писалъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ декабристъ Пущинъ —, „если бы мы пропустили нынѣшній единственный случай.“

Вліяніе, хотя не рѣшительно, имѣло на это рѣшеніе, обнаруженное предательство нѣкоторыхъ лицъ, состоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами тайнаго общества.

Предателей этихъ было четыре:

Шервудъ, Майборода, Комаровъ и Ростопчинъ. Шервудъ и Майборода, ставши предателями, предложили правительству свои услуги въ качествѣ шпіоновъ. Шервудъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство и ему былъ пожалованъ титулъ „Вѣрный“.

Какъ у насъ ведется и до сихъ поръ высшія награды домомъ Романовыхъ даются царскимъ любовникамъ, любовницамъ, предателямъ и шпіонамъ, щедро былъ награжденъ и Комаровъ и назначенъ впослѣдствіи губернаторомъ въ Симбирскъ.

Впрочемъ впослѣдствіи какъ Комарову, такъ и Шервуду очень не посчастливилось. Оба были выгнаны со службы. Очевидно, даже для царскаго правительства, какъ не трудно достигнуть

такого совершенства, они оказались черезчуръ большими негодяями. Ростовцевъ предалъ съ большой изысканностью и съ мелодраматическими сценами. Написавъ доносъ, онъ пошелъ на обѣдъ къ князю Оболенскому и передалъ ему при этомъ копію съ письма своего Николаю Павловичу и переданный имъ ему же списокъ заговорщиковъ.

„Здѣсь“ — пишетъ Герценъ — „мы должны обратить вниманіе на одно историческое различіе: Незабвенный Іюда Искаріотъ предалъ послѣ вечерней трапезы, Ростовцевъ же сначала выдалъ своихъ друзей и лишь послѣ ѣлъ съ ними. Различіе, какъ мы видимъ, существенное!“ Затѣмъ Ростовцевъ былъ назначенъ по просту въ генералъ-адьютанты.

И такъ заговоръ рѣшенъ. Наступаетъ по словамъ Николая „роковой день“ 14 декабря. Мы не станемъ описывать подробно всѣмъ извѣстное пораженіе этого событія. Около 2000 солдатъ собралось на Сенатской площади и построилось въ каре. Среди солдатъ виднѣлось, какъ описываетъ самъ Николай, нѣсколько „фрачниковъ гнуснаго вида“.

Послѣ неудачной атаки кавалеріи, пущена была въ ходъ артиллерія, и мятежники были разбиты на голову. Теперь послѣ 9 января часто сравниваютъ мужественное поведеніе Николая I 14 декабря съ поведеніемъ Николая II

въ такое значительное кровавое воскресенье. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что Николай Первый былъ не храбрѣе Николая Послѣдняго и причины, побудившія его только послѣ долгаго колебанія пустить въ дѣло оружіе далеко не были боязнью пролить невинную кровь. Впрочемъ предоставимъ ему самому слово:

„Выѣхавъ на площадь“ — пишетъ Николай —, „желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ; пули просвистали мнѣ черезъ голову и, къ счастью, никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣнами, надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ бы сообщиться черни, и тогда бы окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи.“

„Я согласился“, — продолжаетъ Николай — испробовать атаковать кавалеріей. Конная гвардія первая атаковала по эскадронно, но ничего не могли произвести и по темнотѣ, и отъ гололедицы, но въ особенности, не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротмистръ Веліо лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большаго успѣха.“

Послѣ неудавшихся попытокъ сломить мятежниковъ, Николай совершенно растерялся.

Тогда пріѣхавшій только-что изъ Варшавы Толь довольно грубо сказалъ ему: „Государь, прикажите очистить площадь картечью или откажитесь отъ престола. Лишь тогда Николай отдалъ приказъ двинуть артиллерію, хотя затѣмъ всю жизнь не могъ простить онъ Толю этой фразы. Михаилъ Бестужевъ съ москвцами спустился на Неву, желая идти по льду въ Петропавловскую крѣпость и занять ее. Ледъ не выдержалъ, образовалась полынья и масса солдатъ потонула. Артиллерія продолжала осыпать ядрами мятежниковъ. Возможность дальнѣйшаго сопротивленія исчезла. Уцѣлѣвшіе солдаты бросились на Васильевкіе и имъ оставалось только сдаться. Участь возстанія была рѣшена.

Судъ надъ декабристами.

Послѣ того какъ возстаніе въ Петербургѣ было сломлено окончательно, послѣ того какъ на югѣ Муравьевъ Апостолъ долженъ былъ сдаться Роту, возставшимъ нечего было ждать милости отъ Николая. Злопамятный, мелкій, трусливый характеръ Николая совершенно былъ чуждъ того рыцарскаго духа, который приписываютъ ему придворные и офиціальные историки.

„Pas de miséricorde pour ceux-là“ писалъ онъ Константину.

Николаемъ была назначена такъ называемая слѣдственная комиссія. Въ эту комиссію вошли слѣдующія лица: Великій Князь Михаилъ Павловичъ, военный министръ Татинцевъ, петербургскій военный генералъ-губернаторъ Голенищевъ Кутузовъ и генералъ-адъютанты Бенкендорфъ, Леватовъ и Потоповъ.

Николай готовился страшно отомстить своимъ врагамъ.

Посмотримъ какъ велось слѣдствіе.

Безспорно, что многіе изъ подсудимыхъ приводились къ государю для допроса со связанными руками назадъ веревками. Нѣкоторыхъ декабристовъ вели даже по улицамъ со связанными руками. Такъ, напримѣръ, капитанъ-лейтенанты: Торсонъ и Николай Бестужевъ препровождены были во дворецъ въ подобномъ видѣ. Въ уцѣлѣвшихъ запискахъ бывшихъ декабристовъ этотъ печальный фактъ подтверждается самымъ положительнымъ образомъ. Затѣмъ бывали случаи, что государь повелѣвалъ нѣкоторыхъ заковывать въ кандалы; въ подобномъ положеніи инымъ приходилось оставаться болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени ихъ дальнѣйшаго упорства; къ такому испытанію нужно еще присоединить соотвѣтственную пищу, посѣщенія священника, на-

зидательныя увѣщанія, сырой казематъ, угрозы пытки со стороны нѣкоторыхъ членовъ комитета, строгое одиночное заключеніе и проч. Само собой разумѣется, что декабристы не могли одинаковымъ образомъ выдержать удручающаго вліянія обстоятельствъ, одни пали ранѣе, другіе держались долѣе. Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета писались показанія, въ которыхъ подсудимые при первыхъ допросахъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе.

Николай Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ:

„Комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе; впослѣдствіи, когда все было открыто, и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокуплялись угрозы, даже стращали пыткой. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлости были употреблены.“

Такія же страшныя картины слѣдственной обстановки оставили фонъ-Визинъ и баронъ Розенъ.

По словамъ фонъ-Визина: „Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестранномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе

изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно открывалась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покровало, вели его по коридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены комитета дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть, и не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто даже отказывали въ очныхъ ставкахъ.

Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить невинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водой и обременяли тяжкими ручными и ножными кандалами. Послѣ того, могли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добро-

вольными? Часто они были не истинны, и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи, несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора вовредъ себѣ и товарищамъ."

Подъ конецъ для характеристики инквизиціоннаго характера этого слѣдствія приведемъ еще только показанія барона Розена.

„Припомните" — пишетъ онъ — „какъ содержались по этому дѣлу арестанты въ крѣпости, ихъ казематы; надѣвали наручники, кандалы; на нѣкоторыхъ и то и другое одновременно, уменьшали пищу, безпрестанно тревожили сонъ ихъ, отнимали послѣдній слабый свѣтъ, проникавшій чрезъ амбразуру крѣпостной стѣны въ окошечко съ рѣшеткой частого переплета, желѣзныхъ пластинокъ и согласитесь, что эти мѣры жесточе испанскаго сапога британскаго короля Іакова II и всѣхъ прочихъ орудій пытки. Пытка при Іаковѣ нѣсколько минутъ, часовъ, иногда въ присутствіи короля, а наша крѣпость продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ."

Комитетъ рѣшилъ предать верховному уголовному суду 121 человѣкъ. Изъ нихъ принадлежали къ сѣверному обществу 61, къ южному 37, къ обществу соединенныхъ славянъ 23.

Пять подсудимыхъ были приговорены къ смертной казни. Эти пять были: Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ Аностолъ, Михаилъ Бестужевъ Рюминъ и Петръ Каховскій. Остальные по смягченію приговора были приговорены къ болѣе или менѣе продолжительнымъ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ въ Сибирь.

На ночь на 13 Іюля, на валу Петропавловской крѣпости устроенъ былъ помостъ съ висѣлицей. Туда были приведены осужденные и послѣ совершенія надъ всѣми обряда разжалованія, было приступлено къ исполненію приговора надъ осужденными къ повѣшенію.

Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ Апостолъ и Михаилъ Бестужевъ Рюлинъ сорвались съ петель, причемъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „Чортъ побери, у насъ въ Россіи даже повѣсить какъ слѣдуетъ не умѣютъ.“ Несмотря на то, что по закону въ такомъ случаѣ слѣдуетъ помилованіе ихъ повѣсили еще разъ. Тѣла были скоро сняты и погребены неизвѣстно гдѣ.

14 Іюля на сенатской площади отслужено было „какъ бы въ очищеніе“, по словамъ Бенкендорфа, „этого мѣста отъ посрамившихъ его злодѣяній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ поминовеніе павшихъ 14 Декабря жертвъ чести и своего дѣла“, благодарственное молебствіе.

Но и даже тогда нашелся священникъ, не

принимавшій участіе въ очистительномъ молебствіи.

Протоіерей Мысловскій въ то время въ черномъ облаченіи служилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду. Случайные богомольцы слыхали произнесенныя Мысловскимъ имена: Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія Петра. Это были имена 5 повѣшенныхъ декабристовъ.

Возстаніе 14 Декабря подавлено, потоплено въ крови. Участники возстанія тяжело поплатились за свое самоотверженіе, за свою горячую любовь къ родинѣ. Николай празднуетъ торжественно свою побѣду и ѣдетъ въ Москву короноваться. Начинается тридцатилѣтнее царствованіе „труднозабываемаго“, по мѣткому выраженію Герцена. Николай былъ по натурѣ своей тиранъ и ярый поклонникъ абсолютизма. Цѣлью своей жизни Николай поставилъ сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ Россіи и безпощадно подавлялъ всякую оппозиціонную и революціонную попытку. Подавлять революціи не только въ Россіи, но въ всей Европѣ —, было какъ бы жизненнымъ призваніемъ Николая I. Цѣпь шпіонская и полицейская тѣсно обхватила несчастную Россію. Знаменитое третье отдѣленіе и не менѣе знаменитый начальникъ его Бенкендорфъ безраздѣльно господствовали во всѣхъ отрасляхъ правленія. Бенкендорфъ, звѣрь въ образѣ человѣка, былъ правой рукой Николая.

пока его не столкнулъ Клейнмихель, Аракчеевская креатура, и не заставилъ 1844 подать въ отставку. Мѣсто Бенкендорфа занялъ графъ Орловъ, котораго Николай третировалъ иногда какъ мальчишку, но который, говоритъ одинъ нѣмецъ, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ власть большую, чѣмъ какой-нибудь первый министръ; всѣ власти дрожали передъ третьимъ отдѣленіемъ и не одинъ чиновникъ, какъ высоко онъ ни былъ бы поставленъ, и не одинъ помѣщикъ, какъ богатъ и знатенъ онъ бы не былъ, не чувствовалъ себя въ безопасности отъ всемогущаго начальника третьяго отдѣленія.

Современная наука казалась Николаю совершенно излишней роскошью и въ особенности начиная съ 1848 г., Николай наложилъ на прессу и университеты желѣзные оковы. Закрытъ былъ доступъ въ Россію заграничной прессы. Министръ народнаго просвѣщенія Тишковъ, былъ человѣкъ совершенно въ духѣ Николая; немногимъ лучше были князь Ливенъ и послѣдовавшій за нимъ Уваровъ. Уваровъ въ 1833 устроилъ въ Кіевѣ университетъ, но постарался препятствовать свободѣ преподаванія и окончательно убилъ всякую охоту къ занятіямъ какъ у профессоровъ, такъ и студентовъ. Студенты университетовъ — какъ описываютъ современники — въ особенности провинціальныхъ, пьянствовали, играли и занимались удалыми приключе-

ніями, драками съ полиціей, съ кузнецами и другимъ рабочимъ народомъ. Даже въ Петербургѣ не рѣдко мертвецки пьяные студенты валялись по улицамъ. Николай довелъ учащуюся молодежь до послѣдней степени униженія, закрылъ польскіе университеты, уничтожилъ въ Россіи окончательно слѣды умственнаго движенія.

Въ Казани профессоръ государственнаго права читалъ свои лекціи по своду законовъ, изъ свода онъ выбралъ тѣ статьи, которыя ему были нужны и читалъ ихъ безъ всякаго измѣненія въ текстѣ, какъ законоучителъ выбираетъ буквально слова катехизиса. Вставить свое слово ему запрещалось, онъ могъ внести ересь въ чистоту идей русскаго государственнаго права. Съ этой цѣлью профессоромъ государственнаго права сдѣланъ былъ полякъ, удаленный въ Казань по политической неблагонадежности. Распоряженіе оправдывалось его неблагонадежностью. Послѣ 1848 даже Уваровъ, безпрекословно подчинявшійся всѣмъ капризамъ Николая, показался ему черезчуръ либеральнымъ и долженъ былъ выидти въ отставку. Уваровъ былъ въ особенности уязвленъ сатирой, написанной на него въ 1835 году Пушкинымъ, посвященной имъ наслѣднику Уварова князю Юсупову: „На выздоровленіе Лукилиса“. По этому поводу Пушкина позвали къ Бенкендорфу. „Вы написали на Уварова сатиру!“ сказалъ ему грозный

начальникъ третьяго отдѣленія. „Нѣтъ, это я написалъ на Васъ“ отвѣтилъ ему Пушкинъ. Бенкендорфъ былъ повергнутъ въ совершенное изумленіе. „Помилуйте, тамъ сказано, что не буду больше красть казенныя дрова. Развѣ я краду казенныя дрова?“ „А Уваровъ крадетъ развѣ казенныя дрова, что онъ принялъ это на себя?“ Бенкендорфу пришлось замолчать, но съ тѣхъ поръ ненависть Уварова не знала никакихъ границъ и надо полагать, что онъ былъ или составителемъ анонимныхъ писемъ, послужившихъ поводомъ къ дуели Пушкина съ барономъ Д'Антеса, или по меньшей мѣрѣ имѣлъ весьма близкое отношеніе къ ихъ составителямъ. Къ этой придворной камарильи относятся извѣстныя слова Лермонтова:

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ родовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки,
Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
Вы жадною толпой стоящіе у трона
Свободы, генія и славы палачи!

Еще хуже обстояло дѣло съ русскимъ просвѣщеніемъ во времена Тиронскаго-Тихматова и Норова. Во времена Норова сдѣлались популярными слова князя Меньшикова: „Прежде просвѣщеніе тащилось у насъ какъ лѣнивая лошадь, но все же шло на четырехъ ногахъ,

теперь идетъ оно на трехъ да еще съ норовистой лошадью".

Во времена Николая жили или начали свою литературную дѣятельность славнѣйшіе русскіе поэты и писатели: Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Некрасовъ, Гончаровъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Герценъ, Огаревъ, Коромаровъ, Гоголь, Кольцовъ и многіе другіе второстепенные. Имъ приходилось дѣйствовать при ужасныхъ цензурныхъ условіяхъ. Цензура не пропускала не только идеи, на даже намеки на нихъ. Такіе писатели какъ Бѣлинскій, Некрасовъ должны были писать и разбирать повѣсти или стихи. „Какое ужасное положеніе" — говоритъ Некрасовъ — „всякій человѣкъ, который имѣетъ сказать что-нибудь общесту, долженъ непремѣнно выработать изъ себя художника." Стономъ стонала Русь подъ желѣзной рукой Николая. Все же тридцатилѣтнее царствованіе почти все прошло въ непрерывныхъ войнахъ и усмиреніяхъ россійскихъ бунтовъ и подавленіи европейскихъ революцій. Въ своей собственной семьѣ Николай былъ такимъ же деспотомъ, какимъ онъ былъ и на тронѣ. Николай считалъ бракъ своей старшей дочери Маріи съ однимъ изъ Богарне мезальянсомъ и терпѣть не могъ ея мужа. Послѣ смерти мужа Марія вышла замужъ за Графа Стречанова. Другая дочь Ольга безумно любила Князя

Александра Ивановича Барятинскаго, блестящаго гусарскаго офицера. Николай сослалъ его на Кавказъ и Барятинскій несмотря на свою храбрость долго оставался у него въ немилости, дочь свою же выдалъ за несимпатичнаго ей Вюртембергскаго наслѣдника.

Вѣшняя политика Николая I.

Внѣшней политикой руководилъ во время царствованія Николая графъ Несельроде, который впрочемъ, какъ и большинство другихъ министровъ безпрекословно подчинялся желаніямъ Николая. Вскорѣ послѣ декабрискаго возстанія Перевъ напали на Россію, но были отбиты Ермоловымъ. Ермоловъ былъ непріятенъ какъ Николаю, относившемуся къ нему уже издавна подозрительно, такъ и Нессельроде, и по этому вскорѣ замѣщенъ Пасковичемъ. 22 февраля 1821 года онъ заключилъ туркманчанскій миръ. По этому миру Россіи достались Гривань и Нахичевань, и кромѣ того 20 милліоновъ военной контрибуціи. Армяне вступали подъ покровительство русскаго правительства, которое постаралось ихъ ограбить уже въ царствованіе Николая II. Въ виду несоблюденія султаномъ Аккерманскаго договора 1826 года, Нуколай двинулъ въ 1827 году свои войска къ турецкой

границѣ. Николай воспользовался греческимъ вопросомъ, чтобы привлечь Англію и Францію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Порты. Въ октябрѣ того же года союзный флотъ уничтожилъ турецкій въ значительной битвѣ при Наваринѣ. Затѣмъ въ 1828 году продолжалась война противъ Турціи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Замѣчательно, что въ Молдавіи и Валахіи разыгрались почти тѣ-же сцены, какъ и теперь на поляхъ Манджуріи. Главнокомандующій долженъ былъ исполнять всѣ нелѣпыя приказанія, присылаемыя Николаемъ, и являться отвѣтственнымъ лицомъ. Несмотря на многочисленныя просьбы графа Витгенштейна объ увольненіи, Николай не отпускалъ его. Понятно, что война велась при такихъ условіяхъ и не особенно удачно. Удачнѣе была война на Кавказѣ. Взята была неприступная крѣпость Карса. Людей, конечно, при этомъ не жалѣли. Благо да еще и до сихъ поръ пушечнаго маса въ Россіи достаточно. Наконецъ, въ 1829 году, былъ заключенъ Андріанопольскій миръ, причемъ Россія захватила опять часть Кавказа. На Кавказѣ шла во время царствованія Николая почти непрерывная война. Гирцы не хотѣли даромъ отдавать свою свободу а время отъ времени подымали отчаянныя возстанія. Кавказскія войны стоили Россіи тысячи людей и милліоны рублей. Война эта продолжалась около двадцати лѣтъ.

Въ особенности много безпокойства причинилъ русскимъ генераламъ знаменитый вождь Мюридовъ Шамиль. Только лишь въ царствованіе Александра удалось послѣ громадныхъ жертвъ покорить Кавказъ.

Николай хотя и не одобрялъ нарушеніе конституціи Карломъ X, но былъ враждебно настроенъ противъ „похителя престола“ Луи-Филиппа. Онъ отозвалъ всѣхъ русскихъ изъ Франціи, а французамъ запретилъ проживаніе въ Россіи*). Дибичъ былъ направленъ въ Берлинъ съ цѣлью склонить Пруссію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ французской революціи и добиться разрѣшенія для прохода русскихъ воискъ въ Голландію, король которой Вильгельмъ просилъ у Николая помощь противъ вступившей тамъ революціи. Миссія Дибича окончилась неудачно и ему пришлось возвратиться не солоно хлебавши обратно въ Россію, тѣмъ болѣе, что онъ тамъ нуженъ Николаю для подавленія польскаго возстанія.

Еще декабристъ Лунинъ предсказалъ Константину, когда тотъ не хотѣлъ принять престола, что ему придется когда-нибудь еще бѣжать изъ Варшавы**).

---

*) Послѣднее распоряженіе ему пришлось черезъ пару дней взять обратно.

**) Слова Лунина: „Я выѣзжаю добровольно изъ

И дѣйствительно 29 ноября 1830 года ему пришлось удрать въ одной рубашкѣ черезъ черный ходъ отъ толпы ворвавшихся въ Бельведерѣ учениковъ военной школы. Многіе изъ его приближенныхъ были убиты. Большинство польской арміи пристало къ возставшимъ. Было образовано временное правительство, въ составѣ князей Чарторижскаго, Радзивилла, Леневиля, Хлопицкаго и др. Николай не пожелалъ вести съ возставшими никакихъ переговоровъ. Въ сеймѣ рѣшено было свергнуть домъ Романовыхъ съ польскаго престола. Дибичъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Польшу съ неограниченными полномочіями. Дибичъ былъ страшный пьяница и за нимъ ѣхалъ постоянно казакъ съ холоднымъ пуншемъ на готовѣ. Послѣ смерти Дибича, назначенъ былъ главнокомандующимъ Паскевичъ, которому и удалось наконецъ сломить революцію въ Польшѣ. Паскевичъ сталъ творить тогда надъ побѣжденными поляками судъ и расправу: Уничтожена конституція, распущено польское войско, введенъ сильный русскій гарнизонъ въ Варшаву, тысячи сосланы въ Сибирь, конфискованы многочисленныя имѣнія и отобрано имущество. Большинство изъ конфискованныхъ

Варшавы, какъ Вы сами знаете, а вотъ Вы, помяните мое слово, отъ того, что не хотѣли насъ послушать, но выберетесь добромъ изъ Варшавы."

имѣній пожалованы въ видѣ монарховъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія.

Николай помогалъ также и султану въ борьбѣ противъ возставшаго васалла. За это султанъ обязался не пропускать иностранныхъ судовъ въ черное море. Николай былъ вообще любимцемъ то придворно-конжески-набожной камарильи, сосредоточивавшейся при различныхъ европейскихъ дворахъ, въ особенности при Берлинскомъ. Они видали въ немъ естественнаго защитника Европейскаго абсолютизма и непримиримаго врага всякихъ революцій и когда 1849 въ Венгріи и Семигоріи вспыхнула революція, новый императоръ Австрійскій Францъ-Іозефъ, прибѣгнулъ къ помощи Николая, который, конечно, не замедлилъ ее оказать и только благодаря помощи Николая была подавлена Венгерская революція. Какъ описываетъ одинъ современникъ, русская армія возвратилась изъ венгерскаго похода и была въ восторгѣ отъ венгерцевъ. Офицеры своими разсказами увлекли всеобщество. Всѣ восхваляли венгерцевъ и ругали нѣмцевъ. Русскіе чиновники давно привыкли ненавидѣть нѣмцевъ, которые отбивали у нихъ лучшія мѣста. Ненависть къ нѣмцамъ была такъ велика, что находились смѣльчаки, которые говорили, что всѣ бѣдствія наши происходятъ отъ того, что государи русскіе изъ нѣмцевъ.

Трудно было найти людей, которые могли бы такъ ловко говорить о подобныхъ вещахъ, какъ смѣльчаки того времени, они достигли виртуозности въ искусствѣ быть вполнѣ понятными для своей авдиторіи и всетаки ничего не сказать запрещеннаго. Въ особенности цари изъ нѣмцевъ составляли весьма скользкую, но за то весьма пикантную тему. Русскій народъ такъ остроуменъ, что погрузившись въ раболѣпіе по самую маковку, онъ не въ силахъ сдержать себя, когда его раззадорятъ и начнетъ козырять граціозными блесками на счетъ Бога и на счетъ Государя. Именно такой задоръ внесли съ собой офицеры, возвратившіеся изъ венгерскаго похода". „Цари изъ нѣмцевъ заставляли хохотать до упаду. Князя рюриковичи, говорили остряки, были невѣжественный народъ, они икали и рычали за столомъ отъ рѣдьки и квасу; они были мужики и держали себя, какъ мужики, но за то же онѣ были русскіе и по духу и по чувствамъ. При нихъ народъ былъ свободенъ, крѣпостнаго права не было, существовало вѣче и боярамъ и крестьянамъ, всѣмъ было хорошо. А какъ пошли эти татары да нѣмцы, Годуновы да какой то тамъ Гольштейнъ-Готорпскій домъ, неизвѣстно съ чего воцарившійся на Руси, такъ все пошло на выворотъ: народъ закрѣпостили, бояръ превратили въ царскую дворню; эти лакеи съ гордостью стали называть себя дворянами.

Что не царица, то нѣмка; у себя дома бѣлье полоскала, а тутъ поди какую барыню разыгрываетъ; и капли одной русской крови въ этихъ императорахъ нѣтъ, по чувствамъ и по взглядамъ они нѣмцы съ головы до ногъ, ни говорить ни писать грамотно по-русски не умѣютъ. Дѣйствительно Николай писалъ безграмотно. Нѣмцы они, нѣмцы и кромѣ того происходятъ отъ Павла, незаконнаго сына Екатерины. И отецъ то его неизвѣстенъ, одни говорятъ Чернышевъ, другіе Салтыковъ, а третьи какой то Стрѣльинъ, Богъ знаетъ, откуда взявшійся и куда пропавшій. Для подтвержденія сказаннаго указывали на рукописные записки Екатерины II-й". Дѣйствительно Екатерина прямо говоритъ въ нихъ, что Петръ признавалъ ея дѣтей незаконными и приводитъ его слова: я право не знаю откуда беретъ она свои беременности!

Послѣ захвата французскаго престола Наполеономъ III, Николай сравнительно быстро согласился признать его королемъ, аккредетировалъ Кисилева въ качествѣ посланника при французскомъ дворѣ, такъ какъ видѣлъ въ его восшествіи на престолъ торжество монархическихъ принциповъ надъ революціей. Однако, въ своихъ письмахъ къ нему употреблялъ, такъ какъ онъ все ж есталъ монархомъ не „милостью Божьей", обращеніе не „Monsieur mon frère", какъ это принято между равноправными государями, а „Mon bon ami".

Правительство въ Парижѣ очень огорчалась по этому поводу, однако приняло очень любезно Кисилева и не предприняло по этому поводу никакихъ шаговъ. Месть Наполеона обнаружилась лишь въ его союзѣ съ Англіей; отомстилъ, какъ оказалось, онъ ему довольно основательно.

Николай совершенно былъ ослѣпленъ своимъ положеніемъ въ Европѣ и полагалъ, что для него не существуетъ ничего невозможнаго и что вся Европа должна ему безпрекословно подчиняться. По какому то ничтожному поводу загорѣлась война съ Турціей. Франція, Англія и Сардинія присоединились къ ней, Россія же осталась одинокой безъ союзниковъ. Крымская война обнаружила всю гныль Николаевскаго режима, показала Европѣ, какъ теперь Японская, что Россія это исполинъ на глиняныхъ ногахъ. Какъ и въ Японской войнѣ, русскіе были побѣждены, потому что русскіе далеко отстали по своей военной техникѣ отъ своихъ союзниковъ, потому что въ Россіи не было хорошихъ дорогъ, потому-то господствовали страшное казнокрадство и полная дерзоорганизація въ правленіи, какъ гражданскомъ, такъ и военномъ. Такъ напримѣръ еще долго послѣ войны два генерала спорили подъ чьимъ подчиненіемъ находились какіе то два полка, которые только потому и не были двинуты въ дѣло, что неизвѣстно отъ кого имъ надо

было получать приказаніе. Въ одной французской карикатурѣ того времени, главнокомандующій Горчаковъ изображался въ слѣдующемъ видѣ: Въ одной рукѣ держитъ онъ „Ordre“ въ другой Contreordre, на губахъ у него стоитъ Desordre. Николай былъ глубоко потрясенъ пораженіемъ и позоромъ, постигшимъ его. Его самолюбіе не могло стерпѣть этого. Какъ многіе утверждаютъ онъ принялъ ядъ и скончался въ 1855 году 2 марта. Никто не помянулъ его добрымъ. Вся Россія посылала проклятія ему и въ гробъ.

Конецъ.

30

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 21 05 03 005 3

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ III **Елизавета Петровна,** ея любовныя и денія.

„ IV **Петръ III,** его дурачества и любовны хожденія.

„ VII **Екатерина II,** ея происхожденіе и интимная жизнь.

„ VIII **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты, убійство.

„ X **Николай I,** его личность, правленіе, декабристы.

„ XI **Александръ II,** его интимная жизнь и правленіе.

„ XII **Александръ III,** его интимная жизнь, правленіе.

„ XIII **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе.